

Бунтарь-

государственник

Федор ГЛИНКА

1786, с. Сутоки Смоленской губ.

1880, Тверь

Родился в небогатом поместье. Учился в Первом кадетском корпусе в Петербурге, в 1805—1806 годах участвовал в кампании против Наполеона, будучи адъютантом у генерала М.А. Милорадовича. Затем вышел в отставку, уехал на родную Смоленщину и написал мемуары о походе в Польшу и Австрию. Но как только Наполеон вторгся в Россию, возвращается в армию, видит оборону Смоленска, на Бородинском поле находится неподалеку от Кутузова, сражается при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже, а затем и при Бауцене в Саксонии.

Если читать стихи Глинки, зная только эту часть его биографии, он может показаться чуть ли не квасным патриотом, ни в чем не сомневающимся великодержавником. Строки «Кто Царь-колокол подымет? Кто Царь-пушку повернет? Шляпы кто, гордец, не снимет У Святых в Кремле ворот?» звучат как тогдашнее «Читайте, завидуйте, я — гражданин Российской империи». Вот как глубоко в истории коренится навык «смотреть свысока» на «разных прочих шведов». Эти строчки Федора Глинки вдалбливались в наши головы еще при Сталине, да и сейчас их

Евгений ЕВТУШЕНКО

*И вдруг возникла у меня запинка:
так все-таки, кто был он, Федор Глинка?*

*Любовь к России, бунт — всё на алтарь.
Не государство с его брэнной славой —
большой поэт и есть орел двуглавый,
когда он государственник-бунтарь.*

времяшавают в русских школьников, вскормленных пиццами, поп-певицами и Шварценеггером, пытаясь вырвать юные русские души из его железных лап и отдалить для нравственного исправления в благородные руки уголовного Алешки Поповича — Даниила Багрова.

Бьюсь об заклад, что многие преподаватели, используя стихи Глинки для воскрешения патриотизма и борьбы с «западной порчей», забывают рассказать детям, что эти удалые и совершенно искренне патриотические стихи принадлежат вовсе не придворному поэту, а председателю Вольного общества любителей российской словесности, одному из организаторов подпольного Союза спасения, мятежнику, участвовавшему в декабристском движении, но противившемуся насилию. В канун восстания на квартире у Рылеева Александр Бестужев встретил Глинку словами: «Ну вот приспевает время». И услышал в ответ: «Смотрите вы, не делайте никаких насилий». За связь с декабристами в марте 1826 года Глинка во второй

раз после провала восстания был арестован, три месяца провел в Петропавловской крепости и был сослан в Петрозаводск под строгий надзор полиции. В середине 30-х годов он окончательно выходит в отставку, живет в Москве, Петербурге и наконец в Твери. Глинка был единственным поэтом в России, дожившим почти до ста лет.

В стихотворении «В защиту поэта» Глинка исповедуется, как в нем борются два я — одно наслаждается стабильностью покоя, другое рвется «в мятеж тревоги». Традиционная тема «А он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой!».

В 1968 году, не самом приятном для нашей национальной гордости, цензура выкинула у меня из стихотворения «Псковские башни» такие строки: «Несовместимые два ранга — / хранитель и охранка». Глинка принадлежал к хранителям России, а это хранительство невозможно без гражданственного мятежного духа. Это не противоречие, а идеальное взаимодополнение.

*Он значит — милость! Бушь на троне
И, наш отец, помилуй нас!*

*А мы с молитвой крепкой к Богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».*

*Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Всё ту же песню запевал!..*

1826

Москва

*Город чудный, город гревный,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!*

*Опясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в сагах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..*

*Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развита,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!*

*На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц глинных...
Это матушка Москва!*

*Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..*

1826

*Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У Святых в Кремле ворот?!*

*Ты не гнула крепкой выи
В беговой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..*

*Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!*

*И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..*

*Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!*

<1840>

В защиту поэта

*Два я боролся во мне:
Один рвался в мятеж тревоги,
Другому сладко в тишине
Сидеть в тиши дороги
С самим собой, в себе самом!
Несправедливо мыслят, нет!
И порицают лиры сына*

* * *

*Из шелку и мочал
шнур нашей жизни вьется:
Кто плакал поутру,
тот к вечеру смеется.*

1826

Песнь узника

*Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на шыке у часового
Горит полночная луна!*

*А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!*

*«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!*

*Не жди меня, отец с невестой,
Снимай венчалное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!*

*Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука.*

*Откуда ж придет избавленье,
Откуда ждаться бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на Святой Руси отец!*

*О Русской царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.*

Две дороги

Куплеты, сложенные от скуки в дороге

*Тоскуя — полоскою глинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху сон пустынный
Осиротелое шоссе...*

*А там вдали мелькает струнка,
Из-за лесов струится дым:
То горделивая чугушка
С своим пожаром подвижным.*

*Шоссе поет про рок свой слезный:
«Что ж это сделал человек?!
Он весь поехал по железной,
А мне грозит железный век!..*

*Давно ль красавицей горогой
Считалась общей я молвой? —
И вот теперь сижу убогой
И обездоленной вдовой.*

*Где-где по мне проходит пеший;
А там и свищет, и рычит
Заклепанный в засаде леший,
И без коней — обоз бежит...»*

*Но рок дойдет и до чугушки:
Смельчак взвзовется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем бросит гордый взор.*

*И станет человек воздушный
(Плывя в воздушной полосе)
Смеяться и чугушке гушной,
И каменному шоссе.*

*Так помирись же, дороги, —
Одна судьба обеих ждет.
А люди? — люди станут боги,
Или их громом пришибет.*

Между 1836 и 1875